

РОССИЙСКИЙ МАЯТНИК ОСТАНОВИЛСЯ? В ПОИСКАХ НОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Что мешает России выйти на путь инновационного развития? Есть ли еще у нее шансы выхода к цивилизационному фронтиру? Почему складывается впечатление хождения по какому-то кругу, постоянного наступания на одни и те же грабли? Уже накоплено великое множество фактов, выявленных ошибок... Но для решения задачи всего этого недостаточно – как и признаний в любви к отчизне, ее загадочности, особенности. Давно пора не то что мерить Россию «общим аршином», но хотя бы пытаться понимать ее умом.

И нельзя сказать, чтобы таких попыток не было. Но Россия остается малопроницаема, как для многочисленных отечественных попыток осмысления, в том числе – весьма амбициозных, но не выдержавших испытания временем, так и для западного дискурса, попыток его адаптации. И причина такой непроницаемости и невыразимости вряд ли – в какой-то особенности предмета. Скорее – в используемом концептуальном аппарате. «Институциональная матрица» России до сих пор не диагностирована и не изучена. Диагнозы и прогнозы делаются без реального знания организма.

В качестве исходной точки, печки, от которой можно делать эти шаги, вполне может быть принята концепция А.С. Ахиезера – практически единственная в российской социальной философии и историософии рациональная модель динамики российского общества¹. Эта модель, с одной стороны, не заикливается на прошлом, а с другой – не строит умозрительных конструкций будущего.

Ахиезеровский подход основан на ясной рациональной идее, согласно которой цикличность российского развития это повторяющееся инверсионное движение между своеобразными крайностями, «полюсами». Блокирование инверсии и связанной с нею цикличности предполагает формирование гражданского общества, демократических институтов, формирование конструктивных культурных смыслов, позволяющих разрешать противоречия, выводить общество на новый уровень, модернизацию, кумулятивное развитие – переход к «медиации».

В российской истории и культуре попытки медиации постоянно терпят поражение. Причины этого А.С. Ахиезер и его сторонники видят в инверсионном характере российской менталь-

ности, в ряде культурных стереотипов российского общественного сознания, таких, как установка на синкрезис (соборность, неделимость), убеждение, что мир сущего скандально не соответствует миру/идеалу/нормативам должного, мироотречение и эсхатологизм, манихейская черно-белая парадигма, сакральный статус власти, экстенсивная доминанта в выборе решений в проблемных ситуациях².

Фактически такая трактовка видит причину инверсионности в содержании специфического «культурного ядра» российского общественного сознания, сводит проблему к специфике «русской ментальности», «русского менталитета» и т.п.

В этой связи нельзя не отметить упускаемую перспективу анализа. Речь идет о культуре массового общества. Если секуляризация медиативности Ветхого Завета породила гуманизм и Просвещение, то буквальной реализацией этого проекта стала массовая культура, осуществившая великий гуманистический проект Просвещения с его лозунгами «Все во имя человека». «Все на благо человека», «Человек есть мера всех вещей». Массовая культура ориентирована на удовлетворение любых артикулированных потребностей. Это серьезное цивилизационное достижение. Но оно имеет и некоторые негативные последствия, например, объективную «игру на понижение»: если в традиционном обществе ценности выстроены иерархически, то массовая культура сводит их все к общему знаменателю маркетинга, превращая все ценности (включая трансцендентные) в рубрикаторы рынка массового потребления. Противостоять этому плоскому миру можно. Этому служат три института: гражданское общество (в котором индивид может объединять свои интересы с себе подобными), полноценная элита (задающая интеллектуальные, нравственные, художественные образцы) и внятная культурная политика (определяющая, что нуждается в поддержке, а что нет).

Собственно становление массового общества в России началось в 1880 – 1890-е гг. в связи с мощным пореформенным промышленным подъемом, первой волной индустриализации, породившей отток сельского населения в города. Это вызвало явные изменения образа жизни, манеры общаться, моды. Однако в России не состоялся переход к буржуазности. Формирование массового общества в России наложилось на разрушение гражданского общества в результате катастрофических последствий Первой мировой войны. «Восстание масс» может иметь различную форму. Все зависит от того, формируется ли массовое общество на базе развитого гражданского общества или без него. В России сформировалось массовое общество второго типа. Именно этим оно отличается от стран Восточной Европы и даже Прибалтики, где

правовое государство и гражданское общество имеют более развитую традицию.

Вторая волна индустриализации в России проходила уже в совершенно другой политической ситуации, ситуации «великого перелома» и коллективизации конца 1920 – начала 1930-х годов. В ходе этой индустриализации решались точно такие же задачи, что и в капиталистических странах, использовалась та же техника, те же самые технологии, которые зачастую просто заимствовались в более развитых странах. Даже внешние атрибуты образа жизни, художественных форм были во многом схожи. Однако показательно, что термин «массовая культура» применялся в негативном оценочном смысле (применительно к буржуазной культуре Запада), а вместе с тем официально использовались такие термины, как «массовая песня», «массовая эстрада», «массовые праздники» и культивировались соответствующие формы массовой культуры. Но это был качественно иной тип массового общества – без демократии и прав человека.

При этом демонстративно отвергался набор ценностей западного общества (достаток, комфорт, индивидуальный успех, стабильность, благополучие семьи), которые были объявлены «мещанскими», «отсталыми». Зато советская массовая культура была густо замешана на ценностях доиндустриального общества, таких, как уравнительное распределение, коллективизм, трудовая взаимовыручка, жертвенный аскетизм.

Советское общество и советская массовая культура были противоречивы именно в аксиологическом плане. Рано или поздно, но это противоречие должно было разрешиться. Ценностная «перенастройка» («перезагрузка») советского массового общества началась в 1960-е гг. К этому времени в СССР сравнялись численность сельского и городского населения. Широкомасштабное типовое индустриальное жилищное строительство дало возможность расселять коммунальные квартиры и общежития. Развилось массовое телевидение. В семьях рабочих и служащих появились холодильники, магнитофоны, радиолы, стиральные машины, а в некоторых и личный автотранспорт. Возникли новые формы проведения досуга: туризм, клубы по интересам. Показательно, что тогда же прошла довольно шумная дискуссия о «мещанстве» и «вещизме», показавшая, что стремление к личному благополучию достигло уровня осознанных интересов и ценностных ориентаций широкого круга людей.

1970-е годы получили название «застоя». Возможно, что такая характеристика и применима к экономике и политике того времени. Но в интересующем нас контексте аксиологического рассмотрения динамики общественного развития такая характе-

ристика принципиально неадекватна. Дело в том, что в этот период произошли очень важные, даже решающие изменения: *во-первых, в 1970-е годы завершился переход от традиционного доиндустриального общества к массовому индустриальному, а во-вторых, — от тоталитарно-мобилизационного — к потребительскому.*

Произошедшие изменения не отражались в программных документах, идеология и социальная наука оставались в плену устаревших понятий, «не видящих» новых реалий, не позволяющих адекватно описывать и понимать происходящее. Это создавало значительные трудности для советских лидеров, которые в глазах миллионов людей утратили былой ореол вождей, превращаясь в заурядных распределителей и присваивателей материальных благ. Несмотря на дежурные нападки на потребительство и мещанство, уравнительно-аскетический идеал бесповоротно утрачивал привлекательность. Нельзя забывать и то, что все это происходило на фоне очевидных достижений и роста качества жизни в развитых зарубежных странах, утаить которые от советских людей было уже невозможно. Да и у самой советской правящей элиты возникли потребности и амбиции, типичные для массового общества: стремление выделиться из толпы «совков», обозначить свое социальное превосходство, конвертировать ставшие эфемерными привилегии власти в более осязаемые и прочные материальные ценности, закрепить их в собственность, в наследственное владение.

Идеология и технология власти советского государства устарели задолго до того, как оно распалось в реальности. Советская империя была повержена не в военном противоборстве, и даже не в экономическом соревновании. Она была повержена безликой и универсальной силой, утвердившейся в душах советских граждан — массовым обществом и ценностным содержанием его культуры. Можно сделать принципиальный вывод, что, вопреки бурным, и чаще всего — лукавым дискуссиям о «судьбе» России, ее «особом пути», исторический цивилизационный выбор российским обществом был сделан уже давно. И сделан он был не в политической сфере, не в экономике, а в сфере повседневности.

При отсутствии реального среднего класса, культура массового общества в России выполняет важную стабилизирующую роль. Транслируемые ею ценности общества массового потребления (жизненный успех, достаток, любовь, семья, дети, здоровье) ориентируют человека на жизнь в этом мире. И в этом плане они деконструируют традиционный российско-советский опыт, ориентированный не на ценности этой жизни, а мир иной, светлое будущее и т.д., требующий от человека самоотречения с воздаянием после жизни. Означает ли это, что Россия, наконец, входит в стадию медиальности?

Парадокс заключается в том, что, если придерживаться «менталистского подхода», то — да! Однако драматизм нынешней российской ситуации в том, что традиционный российско-советский духовный опыт по своему нормативно-ценностному содержанию носит вне- и даже антирыночный характер. В результате малоэффективной и действующей не по назначению оказывается реклама. Слепленная по зарубежным маркетинговым технологиям, ориентированная на зарубежные стандарты массового потребления, в России она воспринимается, в лучшем случае, как символика элитарности, а чаще как раздражающий фактор. В результате отечественная массовая культура пока еще не выполняет своей главной функции — социальной адаптации индивида к изменяющимся условиям жизни, создавая неоправданно завышенный уровень социальных притязаний. Параллельно педалируется навязчивое стремление обязательно «показать фигу» Америке в духе М. Задорнова, выдающее безнадежный местечковый провинциализм, отчаянно пытающийся обосновать и оправдать несостоятельность аутсайдера.

Распад мифологии советского массового сознания и мифократии оказался намного трагичнее, чем предполагалось первоначально. Российское общество оказалось беззащитным перед массовой культурой в плане ее игры на понижение. Называвшиеся три условия противостояния «игре на понижение» в современной России отсутствуют. Более того, общество дисперсное, гомогенное в ценностном плане (так называемая «элита» — сама носительница массового сознания), является имущественно расслоенным до крайности (индекс Джини просто зашкаливает).

Российская массовая культура — медиальна, как и любая массовая культура. Но общество (в силу нерешенности вопроса о ответственности!) медиальным не является. И его расколотость даже усугубляется, в том числе в урбанизированной среде, доминирующей среде расселения. Свидетельства тому — не только индекс Джини, но и конкретные данные о миграции населения.

Стало очевидным, что российская массовая культура не имеет социальной почвы. Она может использовать — по старой имперской и советской привычке — практически любые исторические формы культуры, но не может наполнить их содержанием. Она оказалась просто неадекватной. Она никак не соответствует реалиям образа жизни корчащейся в муках от бездарно проводимых реформ страны, поведение руководства которой напоминает поведение малолетнего имбецила, мучающего кошку. А если реалии жизни не воспроизводятся массовой культурой, если они просто отталкиваются и не воспринимаются, испытывающим болевой шок сознанием, возникает сомнамбулическая масса, не знающая

критериев подлинности. Такая культура не выполняет своей главной функции – эффективной социализации.

Современная Россия наполовину медиальна. И, как это ни парадоксально, – именно в плоскости культуры. При этом российское общество остается расколотым, но уже в не в плане ментальном. Задача – в сближении двух концов ножниц: дисперсной массовой культуры и имущественно расслоенного общества.

«Неполитический либерализм» не может просто родиться из головы писателя, философа, социолога. Но не может и возникнуть без их участия. Он может быть только результатом кропотливой работы. Свободную, а значит – ответственную личность не воспитать только в школе, дома, даже СМИ. Воспитывает и формирует личность весь образ жизни, а значит все те же гражданское общество, реальная правовая культура, отношение к собственности, реальное отношение к своему и чужому труду, способность выражать и реализовывать свои интересы, в том числе – в политической сфере. Это не утопия, а работа, в том числе – при участии того же социолога, философа, писателя.

Таким, образом, можно сделать два вывода: пессимистический и оптимистический.

Первый. Массовая культура в условиях глобализации и постинформационного общества предполагает ясное и внятное самоопределение, осознание содержания и возможностей собственной уникальности. Только в этом случае любое общество имеет шанс достойно войти во всемирное экономическое, информационное и культурное пространство. Успешные опыты такого самоопределения имеются, и они перед глазами: Япония, Сингапур, Финляндия... В самое последнее время это почти уже удалось Китаю и Индии.

Россия же, вместо того, чтобы определиться, буквально «определиться», осознать и сформулировать свои пределы, вместо того, чтобы от слов о собственной уникальности перейти к уяснению и конкретизации этой уникальности, продолжает претендовать на всемирность и всеохватность вселенского масштаба. Есть подозрение, что с такими амбициями в становящемся все более плотным мире можно просто не вписаться. Промедление с таким самоопределением чревато тем, что придется входить в этот новый и плотный мир по частям. Построение же альтернативы всему миру – вещь непосильная.

Речь идет именно о поиске нового образа, укорененного не только в прошлом, но и в будущем. Если понимать под брендом волшебную историю о магическом артефакте, обладание которым открывает дверь в царство мечты, то мечтой о чем является сама Россия? Дверь в какое царство какой мечты она открывает?

И второй вывод. Главная задача — сведение концов ножиц, в которые попало российское общество: задача ценностно-смысловой гомогенности и имущественного расслоения. Но это уже вопросы конкретных технологий и социальных практик. Таких, как социальное позиционирование собственности и российского бизнеса, наращивание тканей социального партнерства, выработка внятной и вменяемой социальной политики, конструктивное обращение с имперским культурно-историческим наследием, имеющим важный человеческий капитал. И здесь многое зависит от российских интеллектуалов, гуманитариев, социологов. Преодолеет ли российская интеллигенция снобизм, позицию наблюдателей-критиков, включится ли в реальную работу по формированию гражданского общества? Или будет ерничать, коллекционируя шизофреничность отечественного массового сознания и культуры? От этого зависит очень многое.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. — М., 2008. См. также сборник статей, посвященный развитию ахиезеровского подхода: *Российская культура: цивилизационный выбор или перезагрузка? В поисках теории российской цивилизации: памяти А.С. Ахиезера.* — М., 2009.
- ² См., например: *Давыдов А.П.* Инверсия как культурное основание цикличности в развитии (К вопросу об объекте деконструкции в русской культуре) // *Философские науки.* 2010. № 1.

Аннотация

Современная Россия является массовым обществом, культура которого играет парадоксальную роль. Она одновременно консолидирует и разобщает общество.

Ключевые слова:

инверсионное развитие, культура массового общества, медиация, ценности.

Summary

Is Russian Pendulum Stopped? In Search of New Institutional Matrix
Contemporary Russia is mass society and its culture has paradoxical functions. That is talking about stabilization and disunity at the same time.

Keywords:

inversion, mass society, mass culture, mediation, values.